

УТРО КАРАГАНДЫ

ГОД 1920-й. Как песчинка, затеялась Караганда в бескрайней заснеженной степи. Где стояли шведские станки «Крелус», возвышались сугробы. Англичане увезли в специальных ящиках накопленный керн.

И профессор Гапеев, человек крепкий и рослый, не выдерживал тяжести навалившихся загадок. Он даже во сне видел черные норы, прикрытые полусгнившими досками и бревнами, где когда-то добывался уголь. Сколько его там осталось? 100 миллионов тонн, как об этом утверждалось по многим источникам?

У Гапеева были тогда только погадки. Каким-то особым профессиональным чутьем прощупывал он местечко от Караганды до Сарани. Вышло четыре миллиарда тонн. Неметные клады!

А, если ошибка (все-таки предположение), тогда что?

Раздражали невероятные потери времени с доставкой бурового оборудования. Его везли из Акмолинска на лошадях, быках и верблюдах.

И только через десять лет с того дня, как профессор Гапеев «на глазок» дал оценку карагандинским угольным кладам, разведчики пробурили первую скважину.

Это было в феврале 1930 года.

ЖИЗНЬ СПУТАЛА все семейные планы Захара Овчаренко. Хотел он заполучить старшему сыну Сашко небольшой земельный надел, хотел так, что готов был за это и душу черту отдать. Только бы Сашко стал хозяином. Но как не ломал свою седую голову, в какие только не стучался двери,—ничего из задумки не вышло. Виделась земля бог знает где, в далеком непонятном Казахстане. Туда переселилось много людей.

—Давай и ты, Сашко, снаряжайся в дорогу, может, найдешь там свою хозяйскую долю.

Когда пробивался Сашко по акмолинским степям, дух захватывало от увиденной пустынной земли. Сколько ее!

Вечером на закате солнца стали табором у озера. Сашко растянулся на душистой траве, устал глаз в голубое бездонное небо, подумал: «Зачем идти дальше, вот тут и сесть!» И как тягостно стало на душе от того, что он завербовался на строительство шахт в Караганду. Бес, что-ли, попутал сойти с крестьянской дороги. В Акмолинске вон тот рыжий Залицук, что сейчас копается у брички, хлопнув ни с того ни с чего по плечу, сказал:

—Гарный козак! Сразу видно, шахтером родился.

Сашко вздрогнул от этих слов: еще чего не хватало—в шахту лезть. А рыжий тянул за рукав и кричал: —Записывай его в нашу бригаду. Во у него руки какие!

Сашко умолял оставить в покое, а хлопцы только смеялись.

—Не бойся, с комсомольцами не пропадешь. В шахту потом сам попросишься, а пока наверху поработаешь.

Эх, знал бы отец, знал бы старый Захар Овчаренко, куда шел теперь его сын Сашко!

В Караганду прибились только на десятый день. Два—три дощатых барака, а то больше землянки да юрты из кошмы, и нигде ни одного кустика. В кожаных мешках на верблюдах возили воду, теплую, мутную.

—Ты, часом, раньше никуда не ездил?—спросил Сашко у Залицука.

—Я? Ездил, а только зачем ты об этом спрашиваешь?—ответил не то смеясь, не то с досадой Залицук.

—Тут же жить только бездомным, а не добрым людям.

—Ах, вот ты о чем! А вот видишь, идет бородач с палочкой, так тот настоящий соловей-разбойник.—И засмеялся громко, раскатисто. — То ж профессор Гапеев идет и под землей все видит.

Профессор помешал разговору.

—Дождались, ребята, мы добра,

—сказал он, улыбаясь и смахивая с широкого тугого лба крупные капли пота.—Из самой Швеции оборудование доставили. Заграничное! Вы не пугайтесь, ничего особенного: небольшой нефтяной двигатель, станок, насос, трубы, штанги. Мастер покажет, как это все в ход пускать, завтра за дело.

Заграничное оборудование, профессор, загадочный Залицук, юрты, верблюды, люди в жару в больших меховых шапках, степь—все это никак не укладывалось в голове Сашко Овчаренко.

На другой день начали возиться с заграничным оборудованием, осатанело застрекотало двигатель. Залицук толкнул в бок Сашко.

—Видел, как «швед» дрыгает, будто в лихорадке. Главное—теперь нам техникой овладеть. Да чего у тебя глаза на лоб лезут?

— Не дышу—боюсь остановить. —Экая страсть. Хочешь, я его сам заглушу, а потом снова дрыгать заставлю, хочешь, а?

И не успел Сашко вымолвить слово, как Залицук что-то крутанул, и двигатель покорно замолк.

— Во как я его!

Но никто не разделял энтузиазма Залицука, у всех был вид такой, словно остановили сердце, а в головах мелькнуло: как заводить?

Залицук сбегал в юрту, принес полотенце, обхватил им живот. Сила у Залицука была страшная, но когда взялся за рукоятку, побоялся живот надсадить. Как ни жилился, ничего не получалось—«швед» не дрыгался. И тогда навалились па движок всей бригадой, за рукоятку уцепились десятком жилистых обветренных рук, дернули раз. другой—и «швед» ожил, зло фыркнул густым сизым дымом и пошел отбивать гопака. Потом, бывало, Залицук весь день не снимал полотенце с живота. Шутил:

— Я, братцы, у вас главный механик.

Привезли к вышке компрессор, тоже какой-то иностранный, кажется, канадский. Предупредили: на золото куплен, черт знает сколько золота отдала. Ну, не заводится и баста. Залицук тут же решил разобрать его. Разобрал, собрал—толку никакого. Сколько раз так повторят, но все-таки добился своего—компрессор пошел. И все шутил:

— Я, братцы, и врачом смогу. Первый врач с неба не свалился, тоже по капле ума-разума набирался. Вот ты, Овчаренко, например, заболеешь—я тебе сразу живот раскрою, выпущу кишки, переберу, зашью. Не поправишься—снова раскрою.

Овчаренко, сам того не замечая, все больше проникался уважением к этому здоровенному рыжему детине. Опугивала только его чрезмерная смелость. Такой действительно распорет живот, не моргнув глазом. И все-таки с ним хорошо, с ним не замечаешь трудностей, и солоноватая мутная вода кажется родниковой. Кстати, насчет воды Залицук сочинил такую версию: будто сюда, в Караганду, когда-то приезжали на верблюдах за водой из самой сказочной Индии, вода здесь не простая, в ней целительная соль водится...

А сколько было смеху, когда Залицук к разбитому «фиату» пристроил оглобли, запяг в него лошади и привез в бурдюках для бригады воду. Вожжи были привязаны к рулю, и Залицук сидел как шофер, лихо, коршуном выткнув шею, ни на кого не обращая внимания. Так и шли дни. Не умоляя, отбивал дробь покорный «швед», шипел, словно десяток усталых верблюдов, канадский компрессор. Как-то рано на восходе солнца навесил скважину профессор. Долго смотрел на плотный темно-синий комок.

—Керн! Настоящий угольный керн! Черт возьми, — на радостях вы-

ругался ученый,—геологов бы побольше, где геологи?

ОСЕННИИ Ленинград купался в предутренней дремотной синеве. Был тот ранний час наступающего дня, когда Балтика дышала на город живительной прохладой, когда город, словно в легком ознобе, прятал в туманной дымке свое красивое лицо.

В который раз геолог Зинаида Петровна Семенова торопилась в такую рань в свой институт, чтобы получить назначение на новую работу. Секретарь института все что-то тянул, откладывал, а сегодня просто чуть с ног не свалил неожиданным вопросом:

—Вы все еще здесь, Зинаида Петровна?

Геолог в удивлении пожала плечами:

— Где же мне еще быть?

— Как где? В Казахстане, в Казахстане, дорогая!

— Но Казахстан большой.

— О, да! Просторы неохватные. Голубка, торопитесь с отъездом в Карагандинский бассейн.

— Я готова хоть сегодня, но скажите, где находится этот бассейн?

Секретарь тяжело вздохнул, поднялся, подошел к карте и ткнул большим пальцем в точку, где на извивающемся синем волоске было написано «Нура».

— Кажется, здесь, вот тут, в районе этой Нуры.

Карандаш секретаря ткнул на то место, где сейчас расположен центр Нурина района — Киевка. Ученый и геолог молча посмотрели друг другу в глаза.

— Все ново, Зинаида Петровна, время кипучее... Видите, Караганда на карте нет, есть район. Гапееву там нелегко. послушайте, что он пишет в институт.

Секретарь достал из стола боль-

шой серый пакет из оберточной бумаги, начал читать.

«В районе Майкудука искали воду в том самом месте, где предполагалось строить поселок. Разведчики всюду наталкиваются на красные глины. Попадались, правда, и песчаники, и скальные породы, но воды не было.

Ребята отвезли свои находки в углеразведку—для оправдания совети, что ли; там ахнули:

— Где вы это раздобыли?!

Разведчики пояснили, мол, искали воду, да что поделаешь, кроме этих камешков, ничего не нашли.

—Вы же уголь нашли, уголь!

А ребята стояли, словно провинившиеся, дескать, извините за такую оплошность.

На другой день мы бросили на то место три колонковых станка, две недели не давали им остановки, и уголь пошел. А под поселок пришлось выбирать другое место.

Так и живем. Геологи нам нужны ие меньше, чем техника. Нередко бывает так, что в шламе, в глинистых сланцах и аргелитах разведчики (большинство из них деревенские парни, но ребята, конечно, славные) не могут разглядеть плотный уголь. И тогда скважина бракуется, и снова дважды, а то и трижды перебуриваем пласты.

— Вот какие дела у Гапеева,— с грустью в голосе сказал секретарь.— Но это интересно...

— Не агитируйте, — ответила, вставая, Семенова,— я готова ехать хоть сегодня.

— Сегодня так сегодня, тем лучше. Только, знаете, от Акмолинска туда, в район Нуры, возможно, и пешочком придется добираться, Гапеев намекает на это.

...На вокзале всегда людское половодье. Зинаида Петровна протиснулась к кассе вне очереди. Сказала: «Мне на Караганду», да спохватилась: туда пешком добираться, взяла билет до Акмолинска, и вот уже поезд мчит ее по стальным рельсам от родного, милого Ленинграда, в край, где стоит город с холодным, неприветливым именем «Белая могила».

ХАТЕНКА у Сашко Овчаренко, что и сейчас еще стоит в Михайловке, была общежитием для всей бригады бурильщиков. Молодая жена, Катя, птичкой-шебетуней порхала в этой длинной, приземистой хатенке, вылепленной руками из глины и самана. Просто не могла она шагу ступить без доброго, приветливого слова, а когда оставалась одна, тогда песни украинские пела. Сидит Катя, штопает дырки на рубахах всех бригадных ребят, а из раскрытых дверей льется на широкую глухую улицу «Солнце низенько». Всегда она встречала кладоискателей этой песней, и все чувствовали себя в хате Сашко, как в своем родном доме.

Ребята переступали порог и больше ни о чем не думали, скорей бы уснуть. Устраивались кто где мог: на лежанке, на печке, а то и прямо на полу, а по хате и пройти нельзя.

Письма за ребят писала. Скажет, бывало, кто: «Катенька, милая черкани там пару слов нашим, жив, здоров». Катя потом усердно карандашом выводила на клочке бумаги каракули и не удерживалась, чтобы в конце письма не прихвастнуть от себя: живем, мол, здесь лучше некуда, такой город строится, такие дома над землей вырастают, что только разве в Киеве такие увидишь. И приглашала родных собираться в дорогу, ехать на новое место. Собственно, насчет такой приписки она имела прямую директиву от Антона Залицука. Он когда узнал, что Катя за всех плшет письма, сразу же стал инструктировать ее.

— Ты, голубушка, понимать все должна. Вода у нас какая?

— Мутная, соленая, — отвечала Катя.

— Це правда, знаешь, какая у нас вода, да только в письмах она должна быть родниковой. Ну, а с продуктами как у нас?

— Да как? Вчера хлеба не было...

— А кто жаловался на это?

— Никто.

— Значит, и с хлебом у нас хорошо, так и пиши. А с болезнями как? Ванька Петров, говоришь, кашляет, так ты сходи в поле, травок всяких собери, посоветуйся со старушками да настой сделай. Из травы всякие

лекарства, я точно знаю. Значит, и с медициной у нас хорошо.

— Так это же неправда!— тут же крикнула Катя.

— Голубка, правда по ровной стезе не ходит, она в борьбе рождается. Угля, знаешь, сколько под нашими ногами, зажги его — другое солнце будет. Мы этот уголь достанем; и воду достанем, и дома построим. Так что пусть родные не засиживаются.

По этой директиве Залицука и действовала Катя. Она сама видела, как с каждым днем менялось лицо земли, и радовалась тому, что вместо землянок и юрт вырастают дома.

Однажды поздним вечером, когда другие спали, муж вернулся с работы. Головой покачивает и все на ладонь правой руки посматривает. Не зашиб ли часом?

— Еще чего,— улыбаясь, сказал Сашко.—Знаешь, у профессора силица какая, а ладонь... Прижал, дай бог; Ну, уголь мы сегодня еще в одном месте достали,

В ТЕСНОЙ, закуренной комнатке профессор Гапеев разложил на столике кипы бумаг. Задумался.

Когда он пришел на эту землю, перед ним стоял вопрос: где здесь уголь? А теперь, за каких-нибудь полгода, встал другой вопрос: где здесь нет угля? Гапеев ошибся и ужасно ошибся. Черт бы побрал этих англичан, они всюду рылись, как свиньи в огороде: в Карагайлах, под Балхашом и здесь. Сливки снимали, не утруждали себя разведкой. Больше черпали из той норы, в которую Алак Байжанов загнал суслика. Но какой, однако, у них собачий нюх: за тридевять земель чуяли, где можно поживиться!

Усталыми глазами профессор начал читать бумаги. Вскрыто 28 угольных пластов. Запасы—8 миллиардов тонн. Начата разведка пластов верхней части Карагинской свиты. Да, Эмбах, наверное, прав, что Чурубай-Нурынское месторождение является весьма крупным, если не основным, резервом коксующихся, малозольных углей в бассейне. От-

куда же взялось на этой земле такое несметное богатство?

Веки слипаются, и перед глазами профессора вырастает гигантский дремучий лес, плотный, как стена. Тысячи, а может и миллионы лет стоял этот лес, передавая эстафету из поколения в поколение, наслаивая своими костями угольные пласты.

А может, здесь было море, и угольные пласты — это склады морских продуктов. А может, что-то другое...

Какую уйму вопросов предостит еще решить и ученым, и простым рабочим, тем же парням, которые сейчас пробиваются к недрам земли.

А парни что надо. Вчера Дмитрий Андрусев и Павел Петров перебросили буровые агрегаты с нефтяными двигателями с забуркой на новом месте. Работа заняла 7 часов. Отличнейший результат!

Потом профессор начал думать о том, почему забыты выработанный оптимальный режим подачи воды на забори и скорость погружения бурового наконечника при проходке угольных пластов, обеспечивающих высокий процент подъема зерна. Почему не прижилась проходка хрупких малозольных коксующихся углей бесколонковым бурением, специально изготовленным грабсом? Случается, что люди отворачиваются от хорошего, потому что оно непонятно и непривлекательно. А больше все-таки от того, что люди от хорошего идут к лучшему. Антон Залицук начинал изучать технику с полтенцем на животе, а теперь он заправский механизатор. Сашко Захарченко уже бригадир на бурении скважин. Жизнь идет, ничто не стоит на месте.

Профессор не заметил, как в окно тесной комнатки ласково заглянули лучи восходящего солнца. Наступало утро.

— Утро, утро,— повторил несколько раз ученый, сладко потягиваясь и разгиная ноги. Глянул на кипы бумаг.—Это же утро Караганды,

В голову пришли знакомые еще в далеком детстве звучные, как песня, строки. Профессор распахнул окно.

— Здравствуй утро; да солнце веселое]